

К. С. Пигров¹ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ VS НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ²

Национальный эгоизм представляет собой распространённую в современном мире, но недостаточ-

¹ Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия», статьи «Созидающее слово, или Цивилизация как констелляция смыслов»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самостоятельного философствования» и др. Член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00775а «Тинейджеры в обществе риска: социокультурная аналитика идентификации и самоидентификации».

но отрефлексированную форму «социальной болезни». В словарях национальный эгоизм понимается как оправдание приоритетного удовлетворения интересов своей нации (народа) при игнорировании интересов других наций (народов). Таким образом, национальный эгоизм мыслится как негативно оцениваемая форма национализма³. Национальный эгоизм есть именно *болезнь* общественного сознания — «воспалённое», пронизанное тяжёлым ре resentиментом состояние национальных интересов. Причем речь идет не только о болезни массовой общественной психологии,

³ Национальный эгоизм. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3411/Национальный (дата обращения: 28.03.15).

но и о болезни идеологии. Национальный эгоизм представляет собой превращенную форму¹ национального самосознания, его отчужденное состояние, своеобразный «симулякр» самосознания народа². Противоположностью этой социальной болезни является гораздо более широкое представление о социальном здоровье, которое в обобщенной форме предстает в многообразных видах, например как доверие³ или справедливость⁴ и тому подобное, причем не только в межиндивидуальных, но и в межнациональных отношениях.

Если в учебной и справочной литературе еще удается в основном сохранить рационально-взвешенное отношение к национальному эгоизму⁵, то поразительным образом в части нашей публицистики восхвалять его стало прямо-таки «хорошим тоном». Причем авторы, интуитивно чувствуя его порочность, вопреки естественному нравственному чувству, им органически свойственному, чуть ли не принуждают себя положительно оценивать это, безусловно, отрицательное нравственное явление национальной ментальности. Здесь видится феномен, аналогичный своеобразному обнаружению «подросткового сознания». В основном справедливо критикуется национальный эгоизм других стран⁶, но применительно к собственной стране ему делается неправомерное исключение. Он представляется как некий спасительный эликсир. Мол, «страдает сейчас простой русский человек только по причине единственной, от веков ему доставшейся жестокой болезни — а именно отсутствия национального эгоизма»⁷. Тот же автор разъясняет, что «национальный эгоизм заключается в том, что это есть защитная реакция народа, расположенного на перекрестке трех мировых цивилизаций Креста, Дракона и Полумесяца и включающего часть этих цивилизаций внутрь созданного им государства. Таким образом, это защитная реакция народа, уставшего от необходимости учитывать интересы всех его соседей и сожителей»⁸.

Для авторов статей характерны как биологическая терминология (скажем, «защитная реакция», «усталость»), так и то, что публикации, положительно оценивающие национальный эгоизм, строятся на аналогиях человеческих обществ с биологическими сообществами. Человек представляется как «животное среди

других животных» в рамках натуралистического дискурса.

Так, одна из статей о национальном эгоизме начинается с весьма характерного «методологического введения»: «Всякий вид животных стремится к своему количественному росту, во время нехватки ресурсов (пищи, укрытия) он всеми силами старается выжить. Да, во время наивысшей точки развития вида он может столкнуться (вернее, необходимо столкнется) с другим видом, тоже развивающимся, и тогда в результате конфликта произойдет популяционное выравнивание численности вида»⁹. Тот же анонимный автор дает по существу чисто биологическое определение национального эгоизма: «Национальным эгоизмом я называю совокупное усилие представителей вида (этноса, нации) по собственной защите и выживанию в среде своего обитания (проживания). Причем начинается такой эгоизм с простого возбуждения в сознании индивидов их этнических инстинктов и до прямого физического (военного, технологического) столкновения с враждебным видом (этносом, нацией)»¹⁰.

Я готов понять негативную реакцию националистически настроенных авторов на нынешнем драматическом этапе российской истории как неожиданные обнаружения эгоизма подростка. Эта реакция естественна, так сказать, «натуральна». Но мы не должны забывать, что *мы все-таки люди*, а не животные, как не должны забывать исторического урока, преподанного немецкой историей в первой половине XX века. Так называемая «консервативная революция» была выстроена так, что в ответ на национальное унижение страна будто бы «имеет право» на биологическую реакцию, забывающую все с таким трудом давшиеся завоевания цивилизованности. История показала, что попытка «забыть цивилизованность» закончилась для этой страны закономерным крахом. Причем существенно, что возникли *непоправимые* духовные потери. Германия, несмотря на нынешнее материальное процветание, возникшее благодаря мощной цивилизационной основе, сохранившейся «вопреки всему», тем не менее *навсегда* утратила нечто такое, что могло бы быть *нравственным образцом* для других народов.

Существуют достойные цивилизованные пути выхода из национального кризиса, притом такие, которые органически свойственны русскому народу. Эти цивилизованные пути ориентируются на ясный ум, стойкость, терпение и твердый характер. Развитое национальное самосознание (а российское национальное самосознание в своей основе мы имеем право считать именно *развитым*), прошедшее через тяжелый опыт русской революции и гражданской войны, а также — в духовной жизни — через серьезную рефлексию абсолютного духа, рефлексивные процедуры искусства, религии и философии, необратимо преодолевает «животную простоту» национального эгоизма. Российская духовная культура содержит исключительно высокий потенциал для преодоления национального эгоизма. Речь идет как о тысячелетнем опыте православия, так

¹ О превращенных формах в указанном контексте см.: *Лигров К. С.* Обращивание метода и превращенные формы в процессе исторического творчества // *Материалистическое учение К. Маркса и современность*. Л., 1984.

² См., в частности: *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Капитал XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // *Вопросы философии*. 2012. № 11. С. 31–42.

³ *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // *Новая постиндустриальная волна на Западе*: антол. / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 123–162.

⁴ См., например: *Ролз Дж.* Право народов // *Вопросы философии*. 2010. № 9; *Он же.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

⁵ См., например: Национальный эгоизм: психология. URL: http://knowledge.allbest.ru/psychology/2c0a65635b2bd68a4d53a89421316d26_0.html (дата обращения: 28.03.15).

⁶ См., например: *Войнов М.* Национальный эгоизм по-американски. URL: <http://www.nbengroup.com/democratic/egoizm> (дата обращения: 28.03.15).

⁷ См.: *Чарус Н.* Русская реформа или философия национального эгоизма (Очерки по философии национального эгоизма). URL: <http://www.proza.ru/2009/04/16/439> (дата обращения: 28.03.15).

⁸ Там же.

⁹ См.: О национальном эгоизме. URL: <http://yaroslavss.livejournal.com/20951.html> (дата обращения: 28.03.15).

¹⁰ Там же.

и о позитивных цивилизационных завоеваниях социализма, благодаря которому мы имеем сегодня, например, всеобщую грамотность населения.

Что касается морально-нравственного потенциала России, то в первом ряду нравственных достижений стоит Ф. М. Достоевский. Наш «несимметричный ответ» на национальный эгоизм, как обнаруживаемый другими странами, так и стихийно возникающий в российской национальной психологии, состоит в высоко культивированной всемирной отзывчивости русской души — в «способности всемирной отзывчивости», «главнейшей способности нашей национальности»¹. Преодоление национального эгоизма лежит не в попытках захвата чужих богатств и ресурсов, а в развитии собственного потенциала, причем такого, который не наносил бы ущерба другим народам. В частности, *национальная щедрость* (разумеется, не имеющая ничего общего с бездумным и легкомысленным транжирством принадлежащих нам богатств) сплачивает народ как целое; народ, переживая свое великодушие и благородство, консолидируется. Происходит завоевание по существу главного, а именно *морального капитала* в мире.

Моральный капитал страны представляет собой важнейший момент *человеческого капитала* (human capital) — сравнительно нового понятия, которое сложилось на базе экономических теорий во второй половине XX века. Пока о моральном капитале как моменте в человеческом капитале говорят только иногда применительно к институциональному уровню², но наступает время, когда о моральном капитале следует говорить и применительно к национальному, социетальному уровню.

В самой абстрактной форме человеческий капитал обычно понимают как совокупность знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом. Известно, что впервые этот термин использовали Теодор Шульц³ и Гэри Беккер⁴. Первоначально под человеческим капиталом понималась лишь совокупность инвестиций в человека, повышающая его способность к труду — образование и профессиональные навыки. В дальнейшем понятие человеческого капитала существенно расширилось. Человеческий капитал, понимаемый сегодня в широком смысле, — это интенсивный производительный фактор национального экономического развития, развития общества и семьи, включаю-

щий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментальный интеллектуальный и управленческий труд, среду обитания и трудовой деятельности. Справедливо отмечается, что человеческий капитал — *главный фактор* формирования и развития инновационной экономики и экономики знаний как следующего высшего этапа развития.

Сегодня концепт национального человеческого капитала, который в национальном богатстве развитых стран составляет от 70 до 80 %, утвердился в экономических дисциплинах. Однако в этом весьма эвристичном понятии есть еще и нераскрытый в полной мере не только экономический, но и *историософский потенциал*. Становится все более ясным, что человеческий капитал является не только экономической, но и более общей категорией, характеризующей новоевропейскую цивилизацию в целом.

Известно, что если человеческий капитал первоначально рассматривался с точки зрения экономической теории только как «затратный фактор», то во второй половине XX столетия уже общепризнано, что высокий уровень и качество накопленного человеческого капитала есть условие возможности успешного обновления производства, проведения институциональных реформ, демократизации государства. Страны с образованным, здоровым и оптимистичным населением, конкурентоспособными профессионалами мирового уровня во всех видах экономической деятельности, в образовании, науке, управлении и других сферах обладают преимуществами и в экономическом развитии. В результате исследований второй половины XX века становится ясно, что ядром человеческого капитала является человек, не только образованный, созидательный, инициативный и обладающий высоким уровнем профессионализма. Необходимо сделать в логике эволюции понимания человеческого капитала и следующий шаг: *ядром человеческого капитала является человек высокосоциальный, с развитой совестью и чувством справедливости, способный к доверию, словом — человек, характеризующийся «способностью всемирной отзывчивости»*. Культивирование такой интегративной способности по ту сторону национального эгоизма действительно определит пусть не быстрый и не легкий, но надежный и *единственно достойный, действительно человеческий* выход из национального кризиса как нашей страны, так и других стран мира.

¹ Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 136–149.

² См., например: Аксенова Е. А. Корпоративная культура как инструмент управления развитием компании. Человеческий и моральный капитал. URL: <http://www.myshared.ru/slide/723566/> (дата обращения: 29.03.15).

³ Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968. Vol. 6.

⁴ Becker G. S. Human Capital. N. Y. : Columbia University Press, 1964.